

смотрели на них несколько иначе, чем в других областях Руси. Мстислав Ростиславич сотворил „толикую свободу новгородьцем от поганных“, освободил их от обид. На все стороны оборонял он Новгород от поганных, „поревновал“ и „наследил путь“ деда своего, новгородского князя Мстислава Владимировича. Был он „крепок на рати, всегда бо тосняшеться умерети за Рускую землю и за хрестьяны“.¹ Он „подавал дерзость“ воинам своими речами и от всего сердца бился за свою отчину. Был он „любезнив на дружину, и имения не щадяшеть и не собирашеть злата и сребра, но даше дружине своей“.² Русская земля не могла забыть „доблести его“, а черные клобуки „приголубления его“.³ В этой характеристике лишь осторожно отобраны те черты, которые не претили новгородцам. Образ Мстислава Ростиславича только немного повернут в их сторону. Сильнее этот „новгородский поворот“ чувствуется в Новгородской первой летописи в характеристике другого Мстислава — Мстислава Мстиславича. Этот князь уважал новгородские вольности, не вмешивался во внутренние дела Новгорода, был верен святой Софии, в которой лежало тело его отца, был храбр, понимал желания новгородцев и предоставлял им действовать во всей воле их.

Иной идеал княжеского поведения создан в верхах феодального общества Владимира Залесского. Характеристика Всеволода Большое Гнездо под 1212 годом частично повторяет характеристику Владимира Мономаха: „Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изиде слух его... и бог покаряше под нозе его вся врагы его“. Но, кроме того, этот некролог сохраняет и особенности владимирские. В нем подчеркнута борьба Всеволода с боярством и судебная деятельность: „Судя суд истинен и нелицеприятен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих менших и роботящих сироты и насилье творящих“.⁴ Во Владимире Залесском созрел идеал сильной княжеской власти, идеал этот впоследствии был подхвачен и развит Москвой.

В летописи под углом зрения определенного идеала создаются характеристики князей, отчасти по одной системе отбираются факты, но сами факты, непосредственно взятые из жизни, во всем их индивидуальном своеобразии, придают рассказу черты реалистичности, даже документальности. Этих черт в летописном повествовании появляется тем больше, чем менее официален летописец, чем меньше он связан задачей изобразить и истолковать события в свете определенной политической линии. И сама характеристика князя становится менее подчиненной идеалу, отражающему эту линию, если летописец говорит о князе лишь попутно, не ставя себе целью дать его обобщенный портрет.

С какой бы ясностью перед нами ни выступал стереотип в изображении человека, было бы неправильно сводить к нему всё летописное искусство в изображении людей. В летописи нет и двух князей, и двух положений, которые были бы обрисованы с полной одинаковостью. Феодальный идеал человека был прежде всего средством измерения людей, их оценки с точки зрения феодальной морали и феодальных норм поведения.

Люди, их поведение обсуждаются в основном с точки зрения того идеала, которому они должны соответствовать по своему социальному положению. Эти идеалы существуют в литературе, в летописи, но скла-

¹ Ипатьевская летопись, под 1178 г., стр. 413.

² Там же, стр. 414.

³ Там же.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1212 г., стр. 437.